

Профессор Московской Духовной Академии

Михаил Дунаев

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД
БУДУЩИМ**

Издание второе

Издательский Дом “Святая Гора”
Москва 2007

По вопросам приобретения обращаться:
Издательский Дом “Святая Гора“,
107082, Москва, а/я 93.
Адрес в Интернете: info@agionoros.ru
Тел.: (495) 540-11-40
Факс: (495) 246-69-39

© Михаил Дунаев, 2006
© Издательский Дом “Святая Гора“, 2006

Все права защищены. Запрещается полное или частичное воспроизведение настоящего издания (текста, элементов оформления, макета) каким бы то ни было способом (графическим, электронным, механическим) без письменного разрешения издателей.

Рок-культура (а музыка в ней задаёт основу ценностных ориентаций) осмысляется ныне как синоним понятия **молодёжной культуры**.

Культуры того поколения, которое «выбирает пепси», стремится «взять от жизни всё», «жить в кайф», то есть заглатывает те лёгкие к усвоению наживки, какие в обилии подбрасываются ныне разного рода лукавыми соблазнительями.

В руках молодёжи судьба нации — истина банальная, но верная: пройдёт время, и весь состав народа будет образован теми, кто ныне вступает в жизнь. Поэтому *качество душевной организации* этих людей не должно быть нам вовсе безразлично. Но воззрение на них порождает тревогу.

Говорят: отцы всегда готовы посетовать, глядя на молодое поколение, так что и не стоит вслушиваться в их брюзжание. Время от времени в печати появляются

тексты, относящиеся к разным временам и разным цивилизациям и доказывающие это вечное недовольство стариков: повсюду одно и то же, постоянно рассуждения о разного рода пороках молодёжи, о неуважении к старшим, о неумении жить и т.п. После всех цитат — вывод: всегда ворчали и будут ворчать, а человечество, несмотря ни на что, живёт и процветает. Так что нечего беспокоиться. Посмеёмся над стариками и будем жить как хотим.

Человечество и впрямь пока живёт (о процветании умолчим), но какова судьба тех цивилизаций, от которых остались цитируемые тексты? А нет их уже, исчезли. Поэтому лучше не торопиться со смехом. Поразмыслить хотя для первого раза: почему растёт кривая молодёжных самоубийств? Почему Россия вышла здесь на первое место в мире? Не до смеха станет.

Другой пошлый шаблон, всегда обнаруживающий себя при рассуждении о молодёжи, это утверждение, будто она постоянно устремлена к прогрессу, будто именно она обновляет бытие, в отличие от консервативно настроенного и отживающего своё поколения отцов. Нетрудно, однако, сообразить, что для внесения в жизнь чего-то истинно нового, следует основательно познать уже существующее, иметь богатый интеллектуальный опыт. Молодёжь опыта не имеет, поэтому

она как раз весьма консервативна в своих воззрениях и действиях, иллюзия же «новизны» создаётся тем, что молодые часто в порыве самоутверждения руководствуются принципом «противоположного общего места» (Тургенев), то есть: просто меняют знаки оценок в устоявшихся мнениях. Взрослые говорят: «белое» — недоростки непременно: «чёрное». Кому-то это представляется весьма оригинальным.

С этим связаны и иллюзии о бунтарском, революционном настрое в молодёжной среде. Но это ведь просто следствие молодой глупости и переизбытка возрастной энергии, требующей выплеска — куда и с какой целью всё равно. Чехов заметил однажды: студенты бунтуют, чтобы барышням нравиться. Вот причина поважнее, чем разного рода политические соображения. Худо то, что это используется закулисными манипуляторами, о чём сама молодёжь не догадывается по возрастному недомыслию.

А что могут ей предложить те, кто знает жизнь не в перевёрнутом виде? Скучные банальности. Нужно учиться, трудиться, терпеливо переносить испытания, одолевая трудности без ропота, осваивая наследие прошлого, не отворачиваясь от него с пренебрежением... И так далее. Скучно это. Привлекательнее и веселее — протестовать!

Все особенности так называемой *молодёжной культуры* определяются в немалой мере чувством стадности, молодёжи присущим. Молодые люди весьма подвержены соблазну конформизма, который они не сознают и принимают именно за собственную оригинальность. Молодой человек, чтобы утвердить себя, начинает бессознательно подражать – но не старшим, а таким же, как он сам, и псевдооригинальность единичных случаев создаёт в массе унылое однообразие и заурядную банальность. И всё стадо начинает ходить в нарочито драных джинсах, в татуировках и с заклёпками на носу, щеках и языках. Сам якобы бунтарский дух молодёжи есть проявление всё того же конформизма, ей свойственного.

И вот беда: иные из старшего поколения не прочь подыграть чрезмерным претензиям молодых, чуть ли не заискивая перед ними: не то обвинят в ретроградности и «несовременности». Приходится слышать, например, рассуждения какого-нибудь седовласого бодрячка, будто молодёжь распростилась со страхами, которыми мы жили в недавние времена, будто она смело смеётся над этими страхами. Да не смелая она, а просто глупая ещё. Подлинная смелость сопряжена со знанием того, чему человек противостоит, у молодых же пока нет нужного опыта, они хорохорятся в состоя-

нии, о коем говорят в народе: «Жареный петух ещё не клюнул». И нетрудно ведь потешаться над чем-то с временного расстояния. «Каждый мнит себя героем, видя бой со стороны» (Руставели).

Своеобразие того положения, которое занимает молодёжь среди прочих поколений, определяется гипертрофированным стремлением к самоутверждению. Это и вообще важный стимул в жизненном процессе, особенно в апостасийном обществе (как сказал в своё время ещё В.Соловьёв: «Все самоутверждаются против всех»), но молодые лишь вступают в жизнь и особенно обострённо ощущают потребность заявить о себе – и всё трагически усугубляется несоответствием уровня претензий уровню возможностей. Вдобавок молодой человек всегда особенно нетерпелив (и тут опыта недостаёт), ему нужно всего как можно скорее и как можно больше – а необходимых качеств для того маловато. Поэтому нередко для самоутверждения избираются методы примитивные, а то и вовсе дикие: тупая агрессивность, попытка вывернуть прежние ценности наизнанку и на том основывать мировоззренческую позицию и поведение. Те, кто при этом лишены подлинного нравственного начала, идут в террор. Наиболее бездарные и страдающие от бессознательного ощущения своей неполноценности прибегают к способам

вовсе экзотическим: прокалывают тело во всех мыслимых и немыслимых местах, вставляя туда кольца, шпильки (пирсинг), делают немыслимые причёски, раскрашивают физиономии... и так далее. Не спешите смеяться или осуждать, увидев такое, поймите: человек страдает, вымещая свою тайную муку в пассивную или активную агрессию против всех и вся.

Человек вступает в конфликт с миром — прежде всего со старшим поколением: начинает казаться, что оно слишком много берёт себе, не желает уступать места, хотя давно отстало в понимании жизни, что его принципы и ценности давно устарели. Старому хочется противопоставить новое: так легче утвердить себя, глядеть на всех свысока, да и некогда осваивать это старое, и сил на то недостаточно. Вот на том и возвращается стереотип молодёжного обновления жизни, хотя на поверку вместо «старого» предлагается нередко и вовсе древнее, хотя и подзабытое. (Например, современная молодёжная эстетика, музыка, пирсинг, раскрашивание лиц и т. п. — не более чем эстетика первобытных дикарей.) Проблема отцов и детей стара как мир.

Тщеславие и самоуверенность молодых людей парадоксально подогреваются их невежеством. Они многого не знают — это естественно. Но им кажется, будто

они знают достаточно для того, чтобы навязывать свои представления о мире окружающим. **Ущербность вообще всегда агрессивна и стремится навязать себя как норму, как ценностный эталон.**

Представим себе знания как круг. Всё, что вне круга, — неизвестное. Тогда окружность есть граница между известным и неизвестным. Чем больше знания, тем больше круг, но больше и окружность, то есть соприкосновение с неизвестным. Растёт знание — растёт и понимание величины незнания. В конце концов человек приходит к сократовскому прозрению: я знаю, что ничего не знаю. Но молодой человек знает слишком мало, окружность его опыта слишком коротка, и ему кажется, что и непознанного остаётся немного: вот ещё одно усилие — и все бастионы неизвестного падут. Чем скорее совершится одоление такого заблуждения, тем лучше, но расставание с иллюзией — тоже трагедия.

Человеку хочется заявить о себе, сказать что-то, а сказать-то пока нечего. Он начинает порою изрекать сущий вздор, но нередко не сознаёт того. А внутреннее чувство подтачивает, не позволяет вовсе не ощущать правду, и правда та о себе подчас страшна.

Всё это совершается на фоне известных возрастных физиологических изменений — и оттого ещё более мучительно.

Вот это-то прекрасно понимают те, кто планируют на будущее полную деградацию народа. И они лукаво соблазняют тем, к чему так склонны молодые люди, чего так требует их тяга к самоутверждению: вот той самой мыслью, будто молодой человек уже в силу своей молодости превосходит всех своею особенностью, прогрессивностью, непонятостью и т. д.

В молодое, неокрепшее сознание вбивается пошлый шаблон: все, кто не разделяет его примитивных воззрений, несовременны, отстали от «передового образа мыслей», склонны к мракобесию, вообще – неумны.

Молодые люди не знают, что подобный шаблон вбивается в сознание и повторяется с незапамятных времён и что поэтому следование ему есть несусветная глупость, нестерпимая банальность и прискорбная отсталость ума.

Нужно заметить, что сама молодёжь на просьбу поведать, что же такого «современного» и «передового» заключено в её образе мысли и поведении, ничего вразумительного сказать не в состоянии, а если и приводит какие-то доводы, то от них разит за версту замшелой рутинной. Однако нашлись *бегущие впереди прогресса* доброхоты, которые в силу своего возрастного интеллектуального преимущества пы-

таются оправдать и возвысить ту самую молодёжную культуру, которая создавалась с дальними лукавыми целями.

* * *

Скажем сразу, чтобы более не повторяться: рок-культура есть искусственно созданная духовная отравка, призванная довершить процесс деградации человека, процесс формирования легкоуправляемой безмысленной толпы, процесс завершения всеобщей апостасии, процесс полного отвержения традиций национальной культуры. В рок-культуре откровенно превозносится инфернальное начало, прославляется сатана.

Знаменитые «Битлз», например, несомненные повсеместные кумиры, основали так называемый «сатанинский рок», применяя воздействующие на подсознание идеи, связанные с «культот сатаны». Их подхватили весьма многие. Звучат открытые тексты: «Я был воспитан демоном, чтобы править, как он. Я господин пустыни, современный железный человек. Я собираю темноту, чтобы доставить себе удовольствие. И я приказываю тебе стать на колени перед богом грома, богом рок-н-ролла». Мик Джаггер из группы «Роллинг Стоунз», видя в себе воплощение Люцифера, недаром сочинил песни с красноречивыми

названиями: «Симпатия к дьяволу», «Их сатанинским величествам», «Заклинание моего брата демона».

Рок-культура становится средством утверждать власть над миллионами душ, отдавших себя в подчинение деспотической воле рок-кумиров, которыми, в свою очередь, управляют тёмные силы прямых служителей бесов на земле. Так, один из рок-идолов молодёжи К.Кинчев однажды прямо признался: «Куда приведу, ей-Богу, ребята, не знаю. Я не вижу путей и дорог, иду вслепую. Было бы, наверное, проще, если бы я был истинно православным до конца. А я по вере — православный, по мироощущению всё равно язычник...». Есть ли откровеннее иллюстрация: слепой поводырь слепых! Есть ли откровеннее демонстрация собственной полной безответственности? Есть ли более откровенное признание бесовской природы (а язычество — проявление демонизма) своей деятельности?

Участники некоторых зарубежных рок-групп выражались яснее:

«Наша музыка способна вызывать эмоциональную неуравновешенность, патологическое поведение и даже бунт и революцию» («Битлз»).

«Мы можем дирижировать миром, мы имеем в нашем распоряжении необходимую силу» (Грэхэм Нэш).

«Рок является источником революции. Наш образ жизни — с наркотиками, с причудливыми одеждами, вседвляющей рок-музыкой — в этом и заключается революция» (Эбби Хофман).

И поскольку западные культурные ценности уже активно вошли в жизнь русской молодёжи, подобные идеи можно рассматривать уже в рамках отечественной культуры.

Безбожное бытие тяготеет к небытию — этот духовный закон земной жизни отчётливо проявился в так называемом «русском роке» (о спорности термина речь впереди). По наблюдению Г.Лурье, основной темой «русского рока» в конце XX века становится тема смерти и самоубийства.

Тяга к небытию осуществилась не только в рок-текстах, но и в практике их создателей: в череде смертей и самоубийств многих идолов рок-культуры (Науменко, Башлачёв, Курёхин, Цой, Дягилева, Селиванов и др.) — зримое следование одной из традиций «серебряного века».

Именно в рок-культуре особенно энергично насаждается эстетика безобразного. Эта эстетика имеет несомненный бесовский характер, ибо она утверждает и внедряет идею *без-образной* природы мира, отвергающей богоданный образ бытия.

Цель всего этого — посредством разрушения эстетического вкуса — обесценить не только духовные, но и душевные потребности человека. Рок-культура делает их примитивными, намеревается вообще уничтожить их.

Достаточно взглянуть на слившуюся воедино с дёргающейся идиотской улыбкой толпу, раскачивающуюся с поднятыми руками на любом попсовом шабаше (стадность, конформизм!), чтобы тут же усомниться: может ли пошлость быть ещё более откровенной и отвратительной.

И вот что грустно: это зрелище поразительно напоминает то, что происходит на собраниях различных сектантов, когда духовный тиран «разогревает» толпу, вводя всех в безумный транс. Задуматься бы о причинах такого сходства.

Пора вообще отказаться от давнего заблуждения будто спрос рождает предложение, чем лукаво оправдывается засилие рок-попсы в радио- и телеэфире. Нет: **ныне спрос порождается предложением**. Классическая музыка изгнана со всех каналов (редчайшие исключения лишь подтверждают правило), отовсюду звучит назойливый ритмизированный грохот, который выдаётся за явление прогрессивнейшее и наисовременнейшее. Молодёжь легко клюёт на эту приманку.

И ничего иного просто не знает, иное от неё скрывают за завесой одуряющих ритмов.

К великой нашей печали, среди тех, кто споспешествует такому обману, сегодня можно разглядеть и людей в рясе. Не станем рассуждать о подлинных причинах, приведших их к неправде (хотя соображения о том имеются), но скажем без обиняков, что каковы бы ни были благие намерения этих людей, объективно они соучаствуют в преступлении против народа, против его культуры.

* * *

С недавних времён одним из деятельных пропагандистов рок-музыки стал, как ни прискорбно, диакон Андрей Кураев. Человек он авторитетный, и весьма, поэтому стоит вслушаться в его доводы: а вдруг он прав, мы же чего-то недопоняли. Своих взглядов на проблему отец диакон не скрывает, посвятил им очередную книгу «Рок и миссионерство» (М., 2004).

Своё заигрывание с рок-культурой о.диакон оправдывает убедительным доводом: необходимо искать общий язык с теми, кто пока далеко от Церкви, воцерковлять всё, что нас окружает. «Приватизировать, что плохо лежит», – как в свойственной ему вольно-шокирующей манере выразился однажды

сам о. Андрей. Эта позиция находит одобрение и у некоторых церковных деятелей, которые в подтверждение справедливости кураевских аргументов ссылаются на апостола Павла:

«Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона перед Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его» (1 Кор. 9, 19–23).

Не надлежит ли и нам подражать, хоть в меру слабых сил своих, апостолу?

Однако стоит ли подбирать всё, что плохо лежит, включая и всякую дрянь в церковный обиход? Можно ли продолжать мысль апостола таким рядом суждений: чтобы приобрести убийц, нужно стать убийцей; чтобы воцерковить наркоманов, нужно самому стать наркоманом; чтобы воцерковить извращенцев, нужно и самому тем заняться; чтобы привлечь на свою сторону бесноватых, потребно и самому впустить в себя

беса? Не следует ли понять изречение апостола не в безмерно расширительном смысле, но в строго ограниченном? Не всё допустимо и с самыми благими целями. Иначе так далеко забредём, что и не выберемся.

Сам Кураев это, в общем-то, понимает:

«...Если я во всём буду стилизоваться под моего собеседника и его “тусовку” (мол, и я люблю рок, и я туда, куда ты, и раз ты любишь выпить, то и я не против) – то общение будет. Но о чём? И в конце концов человек скажет: прости, если ты во всём такой же, как и я, то что означает твоё христианство? Не нужно оно мне такое, неспособное ни в чём менять нашу тусклую житуху.

При чрезмерной ассимиляции миссионер, стараясь найти общий язык со своей нецерковной аудиторией, настолько в этом преуспеет, что в итоге становится “своим в доску”. В этом случае люди справедливо изумляются: “Если ты – то же самое, что и мы, то тогда твоя вера нам не нужна, у нас и так всё есть”».

Разделяя наши действия на допустимые и недопустимые, мы должны определить место среди них и взаимоотношению с рок-культурой. Можно ли дать вовлечь себя в эту стихию ради «приватизации», включения её в церковную жизнь? На Западе по этому пути иные конфессии давно шествуют.

Природу воздействия рок-музыки на душу человека раскрыл (вольно или невольно?) сам о. Андрей Кураев. Рассказывая, как однажды во время телесеанса Кашпировского он пытался молитвенно противодействовать бесовским «пассам» экстрасенса, о.диакон завершил своё повествование таким признанием:

«Но затем я целый день не мог подняться с постели. Ни боли, ни температуры – а сил нет. Куда-то они ушли... Вот нечто похожее было и после первого рок-концерта».

Вот тут можно было бы и закончить все рассуждения. Неужели не ясно из одного этого, какова природа сего явления? Возразят: не все же ощущают такую слабость. Ответим: а не все и борются молитвой с тёмной силой, но напротив – отдаются ей в упоении.

О сатанизме рок-музыки говорится уже давно. Контраргумент давно же и выдуман: да, есть плохой рок, но есть и хороший, поэтому неправы те, кто выступает против рока вообще, поскольку необходимо отделять зёрна от плевел. К.Кинчев недавно выступил с рассуждением, приведя в пример банальное уже сравнение: нож сам по себе не хорош и не плох, важно, в чьих он руках.

Как известно, всякое сравнение хромает. По отношению к року данное сопоставление неправомерно. Дьявольщина не может быть хорошей – в любых руках.

Впрочем, сатанизм *рока* отвергается его адептами весьма упорно. Одни просто без всяких доказательств утверждают, что такое мнение клевета, другие пытаются ошельмовать сами истоки этой «клеветы». Как известно, одним из первых забил тревогу католический священник Жан-Поль Режимбаль. О. Андрей Кураев упрекает теперь всех, кто ссылается на этого автора: «Во всех православных брошюрах, в которых пишется нечто чуть-чуть содержательное о роке, – все цитаты взяты из его работы. Это значит, что никто из здешних полемистов и в тему-то всерьёз не погружался». Если эта логика верна, то нужно отказать в серьёзности всем тем, кто ссылается, например, на Писание или на Отцов. Правда, тут и самому о. Андрею не поздоровится. И ещё: иронически отвергая Режимбалья, не делайте этого голословно – сперва докажите его неправоту.

Да и не один Режимбаль – источник сведений о губительной природе рока. Просто не всё известно, многое же нарочито замалчивается.

* * *

Давным-давно утвердилась в «современной культуре» милая молодёжному сознанию триада: *рок – секс – наркотики*. Наркотическое воздействие рок-музыки

уже давно изучено. Серьёзные исследователи обнаружили разрушительное воздействие этой «музыки» на генетическом уровне. (То есть те молодые люди, которые увлекаются особенно тяжёлым роком, обречены на вырождающееся потомство.)

Недавно, после рок-конcertов на Красной площади и Васильевском спуске специалистами было выдвинуто требование: запретить впредь такие концерты, ибо от опасной вибрации начинают разрушаться стоящие здесь здания, а это всё памятники архитектуры. То же говорилось и о вредных воздействиях на Зимний дворец после концертов Пола Маккартни на Дворцовой площади. Если громады зданий не выдерживают, то что же говорить о такой более сложной и тонкой организации, как тело человека, его нервная система?

Поразительны недавние исследования воды, проведённые в Японии, а затем и в России (телевидение показало о том фильм). Вода, как оказалось, чутко реагирует на все внешние влияния и образует хаотичные, разрушенные структуры под воздействием рок-музыки, тогда как Моцарт и Бах создают гармонию и красоту. Если не забывать, что человек на 90% состоит из воды, то задуматься над этим наш долг перед самими собой.

Наркотизирующее воздействие ритмизированного грохота требует, как и всякий иной наркотик, всё но-

вых и новых сходных воздействий (оттого и видим мы повсеместно молодых людей с наушниками, из которых доносится тот самый грохот), затем инъекций...

Слово секс в данной триаде означает не просто беспорядочность половых связей, но общую стихию вседозволенности, порождаемую рок-культурой.

В этой культуре, основная система ценностей которой определена именно названной триадой, всё тесно взаимосвязано, так что одно с неизбежностью влечёт другое. Только наше дробное сознание выделает из целостности отдельные элементы, полагая, будто они независимы один от другого. Поэтому говорить о «хорошем» и «плохом» *роке* – всё равно что утверждать, будто есть хорошие и плохие наркотики. Разновидности *рока*, как и разновидности наркотиков, различаются лишь степенью дурного воздействия на тело и душу человека. Поэтому лозунг «*Рок против наркотиков*», каким увлекаются ныне даже в церковных кругах, равнозначен призыву «*Ударим героином по наркомании*».

Осмелимся утверждать: те, кто пытаются при помощи рок-музыки «приватизировать» нынешнюю молодёжь, на деле играют на руку тому, кто помышляет о развращении народа, готовит ему полную деградацию в недалёком будущем.

В разговорах о «хорошем» и «плохом» *роке* его адепты не могут договориться о критериях качества этого шумового явления. Одни «специалисты» называют имена, которые другие специалисты же начисто отвергают. Для кого-то подлинный *рок* – это Майкл Джексон, а о.Сергий (Рыбко) на это лишь презрительно морщится. Зато его восторженные отзывы о Б.Гребенщикове входят в противоречие с утверждением диакона Кураева: «У человека стеклянные глаза. <...> Гребенщиков, взяв чужую вещь, испоганил эту песню в самом буквальном смысле этого слова». Речь идёт о песне «Город золотой», присвоенной (плагиатором) Гребенщиковым. Даже о таких, кажется, непререкаемых авторитетах, как «Битлы», приходится слышать пренебрежительное мнение: весьма низкий уровень. У разных авторов нет окончательного мнения: что есть рок и что не *рок*.

Этот термин употребляется ныне как на видовом, так и на родовом уровне: иные авторы называют роком всю жёстко ритмизированную музыку (родовой уровень), другие – только одну из её разновидностей (видовой). Оттого и происходит некоторая путаница. Оговоримся сразу: в наших рассуждениях подразумевается родовой признак этого явления.

* * *

Но и при общепризнанном высоком качества отдельных проявлений *рока* (признанном его поклонниками) в нём содержатся опасные вещи. Пресловутая рок-опера о Христе (в самом названии которой явное кощунство) вызвала такие рассуждения о. Андрея Кураева:

«...Могу сказать одно: я рад, что она пришла к советской молодёжи в те годы, когда та ещё не знала английского языка. Поэтому многие из тех людей, которые полюбили это произведение, просто не знали, какие кощунственные тексты там звучат на фоне безусловно талантливой музыки».

О. диакону вторит игумен Сергей (Рыбко), согласный с тем, что «там есть фривольные вещи». Странно, но о. Сергей всё же отказывается признать рок-оперу кощунственной, хотя фривольности в ней относятся к Сыну Божию.

Сами рокоманы отмежёвываются от «плохого» *рока* словом *попса*. Шевчук и Кинчев попсу ненавидят, как свидетельствует диакон Кураев. Шевчук и Кинчев – это, по его мнению, настоящий рок, тогда как Киркоров, к примеру, дешёвая попса. Хотя диакон Кураев признаётся: слушать Кинчева у него «сил не хватило». О чём тогда шумим?

Осмелимся утверждать: по отношению к подлинной культуре весь этот ритмизированный шум – самая низкопробная попса. В этой попсе есть своя иерархия, своя градация, так что можно признать: Шевчук и Киркоров – две большие разницы, как говорят в Одессе. Но при всех их различиях они пребывают в рамках единой системы, у них больше сродственного, нежели различного.

Главным аргументом в пользу качества (и даже православности) Кинчева и Шевчука становятся в рассуждениях Кураева тексты их песен. Слова многих и впрямь как по катехизису выверены. Дурного в том нет, однако эстетическая система не может быть охарактеризована и оценена лишь по единому элементу.

Когда начинают говорить о положительных сторонах рок-культуры, часто обращают внимание именно на частности, какие-то случайные строчки или отдельные тексты, какие кажутся христианскими, и забывают о том, что частности принадлежат системе. А любая самая отвратительная сатанинская система, для того чтобы привлечь к себе, может иметь какие-то положительные стороны.

Некоторые полагают: стоит в художественном произведении упомянуть имя Божие – как это сразу делает его духовным. Нет. Форма, не безразличная

к содержанию, может это содержание выхолостить, уничтожить.

Важны мелодия (если есть), ритмический строй, в которые облакаются слова, интонирование, фразировка, сила звука, жесты исполнителя, его мимика, вообще весь облик, манера держаться и манера передачи содержания. У всей этой *попсы* всё либо примитивно, либо механистично, бесчеловечно, жестяно-жёстко. И жестоко. Здесь нет теплоты, даже когда говорится о внутренних движениях души, здесь нет многосложности эмоций, слишком прямолинейных, без оттенков, без изгибов, тонких нюансов. Это может нравиться лишь обезличенной дешёвым примитивом орущей толпе, в которой человек теряется, не сознавая самого себя. Это может нравиться тем, кто просто не знает подлинной поэзии.

Вот тут нетрудно предвидеть возмущение: как это мы не знаем поэзии! Вообще весь народ любит, например, Пушкина. Вспомним, как праздновали недавно его юбилей.

Ответить можно так: там, где истинна любовь к поэзии, никто не посмел бы, как это сделал попсовый культуртрегер Швыдкой, запустить в эфир «ток-шоу», в котором Пушкин шельмовался в качестве устаревшего «бренда» и дутой посредственности. Где истинно

понимание поэзии, не могло бы появиться приравнивание Высоцкого к Пушкину – а это повторялось уже не раз. И вспомним: пятидесятилетие Гребенщикова и годовщина смерти Высоцкого отличались большим шумом, чем двухсотлетие Тютчева. Не стоит удивляться, если кто-нибудь поставит Б.Г. выше Тютчева – для постмодернистского времени это естественно. О какой поэзии речь, господа!

Культура характеризуется также и качеством тех, кто эту культуру воспринимает. Когда толпа после рок-концерта, пребывая в обалдении, громит что попадя, когда человека в рясе, вышедшего на эстраду, могут освистать и даже запустить в него пивной банкой (можно ли представить подобное на симфоническом концерте?), когда от всего происходящего большинство хочет одного: хорошего удара по нервам, *драйва*, опьянения – о какой высокой культуре может идти речь? Не стоит выдавать желаемого за действительное.

Совершеннейшая же нелепость – утверждение, будто существует некий *русский*, даже *православный рок* (это будет сродни *православному наркотику*). Как будто достаточно проорать русские слова под несвойственный русскому языку ритмизированный грохот и с чуждыми русской речи интонациями, манерой подачи слова, фразы – как тут же возникнет этот «русский

рок». И что же русского в тех движениях, какие выделяют под рок-грохот его потребители? В движении выражается бессознательно настрой души, её эмоциональная ориентация. Что выражают, что отражают рок-танцы?

Рок – порождение негритянской культуры, это общеизвестно. Не умеют признать такую простенькую вещь лишь фанатичные самоуверенные упрямцы. (Более того, *рок* имеет истоком музыку африканских шаманов, которые пользовались ею для своих целей – вот отсюда и истекает сатанизм *рока*.) *Рок* завершает то, что было обозначено исшедшим из того же источника джазом.

О качестве джазовых танцев, сравнивая их с русскими, писал в двадцатые годы прошлого века И.А.Ильин, и слова его оказываются ещё более точными по отношению к нашему времени, к культуре *рока*:

«Русский танец – пляшет *всю* жизнь, все чувства человека в их здоровом и беззаветном цветении.

Мечтою о чём является современный негритянский танец? На *что* нацеливает он людей? – На развинченную оргию, на сладострастное обезьянство, в лучшем случае на элементарное распутство. “Мечтаю быть беззастенчиво распутным” <...> Гораздо хуже чисто негритянские пляски, в которых танцуетя оргия,

безудерж, вседозволенность, – естественно и неизбежно теряющая всякое подобие формы и нередко напоминающая пляску св.Витта. Люди стараются выплясывать сладострастие – алчное, ненасытное, многообразное, извращённое; чем бесстыднее выходит, чем выразительнее и заразительнее – тем лучше. Кошачьи, собачьи, обезьяньи ухватки – считаются особым шиком. Хор беззастенчиво-сладострастных зверюг с претензией на человеческую утончённость и человеческое “искусство”. И негры, ведущие джаз-банд, то приплясывающие, то первопляшущие, хохочущие и кривляющиеся – отлично знают, что они делают».

И разве достаточно ввести в это беснование русскую речь, чтобы получился «русский джаз» или «русский рок»?

Рок-музыка шествует в авангарде обезличивающего человечество глобализма. Если в ней и есть нечто национальное, то исходит оно из глубин чёрной Африки, так что для русского человека, несмотря на все заклинания по поводу «русского рока», она чужда своим звучанием. А это, вместе со многим прочим, исподволь приводит к развитию антипатриотизма, пренебрежения ко всему *своему*, к родному, к родине, к отечеству.

«Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение, – писал С.Н.Булгаков. – Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью-землёй и со всем Божиим творением. Человек существует в человечестве и природе, и образ в его существовании даётся в его рождении и родине... < ... > Любовь свойственна лишь духу, **я**, и любовь к родине есть всё-таки духовное самоопределение **я**, и поскольку она требует от него жертвенности, однако без обращения предмета любви в кумир, в мнимое божество».

Последнее замечание особенно важно, ибо оно напоминает об истинной иерархии ценностей.

Само понятие *отечества* (синонима *родины*) в Новом Завете раскрывается как сакральное:

«Для сего преклоняю колени мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле...» (Еф. 3,14–15).

Бесовщина обезличивающей рок-культуры проявляется и в отвержении этого сакрального понятия. И не нужно ссылаться на разного рода якобы патристические тексты иных авторов. Безликая антинациональная форма, в которую облакаются эти тексты,

обезличивает и любое самое доброе содержание. Никак не хотят понять этого те, кто любит поговорить о «русском роке».

А вот их шаблонную реакцию на такое рассуждение угадать не составит труда. Многие ехидно вспомнят давнее: «Сегодня он танцует джаз, а завтра родину продаст».

Лукавый придумал хитрый приём для отвержения нежелательных для него идей, истин: неприемлемой мысли создаётся иронический эквивалент, оглупляющий такую мысль, делающий её смешной. Вырабатывается рефлекс, как у собачек Павлова: опасная для соблазнителя идея сразу вызывает смехоотделение, сознание блокируется неумной хохмой.

* * *

И каково качество всего попсового потока, куда он устремляется? О. Андрей точно это обозначил, выделяя Кинчева: «Кинчев, отказавшийся от алкоголя и мата, сообразующий своё творчество со своей ортодоксальной верой, оказался пловцом против течения».

Следственно, куда устремлено всё течение – ясно: в пьянство, разврат, полное безбожие (то есть бесовщину – проясним беспонятным). Но чтобы плыть против течения, нужно отказаться от всей системы дурных

ценностей, а не от некоторых лишь её элементов. А они не хотят (и не могут?). Вот чего не понимают эти люди: от одного пытаются лишь в малом отречься и оттого с другим обречены быть врозь.

Характеристику рок-течения дал один из его идолов, которых теперь именуют *звёздами*. Нам бы кто-то и не поверил, а вот свидетельствует Кураев о словах рок-певца: «Отец Андрей, если б вы знали, какой сброд будет на этом моём концерте». Высказывание это характеризует и культуру самого «певца»: артист должен как минимум уважать тех, перед кем выступает, а тут явное презрение: «сброд». Так зачем общаться с подобными «слушателями», выкладываться перед ними? А ради денег – какие могут быть сомнения... Пусть сброд, главное – «бабло» несёт.

И вот этот-то «сброд» придёт «к Богу через рок»? Одиакон, кажется, уверен в том. Поэтому рок называет «уколом в совесть». Но им, кажется, иные уколы желанны. *Рок* же даёт дополнительный «драйв», и никакие призывы к совести тут не подействуют.

Сам Кураев порою высказывает трезвое суждение:

«В этом смысле – да, рок имеет что-то от оргии. Когда человек какими-то путями – начиная от наркотиков или водки и кончая гипнозами, медитациями и даже вот этими фанатениями на футбольном матче, на

дискотеке, на рок-концерте – отдаёт себя во власть тех стихий, которые он сам не контролирует, сливается со звуком, с массой, с освещением, с экстазом, когда он погружается в транс – это опасно с духовной точки зрения».

Правда, о.Андрей, признавая дурные проявления рока по всей стране, выделяет особо Москву и Петербург: тут якобы встречаются рокоманы совсем иного качества, тянущиеся к «уколам в совесть». Но ведь на любом рок-концерте господствует, подчиняя себе всё и вся, именно опасная стихия, которая превращает, по мысли о. Андрея, концерт в оргию. Кольнуты ли они в совесть или не кольнуты – это бабушка надвое сказала, а в опасный с духовной точки зрения транс впадут непременно. Так стоит ли поощрять собственным авторитетом сомнительные эксперименты?

Все пишущие с одобрением о *роке* как одно из важнейших достоинств его называют *протест*, определяющий ту самую роковую стихию. «Рок – это протест, разрушение», – утверждает вслед за другими и Кураев. И повторяет: «Рок – это культура протеста и гнева». Особенно замечателен протестом, по мнению о.диакона, именно «русский рок». И уж совсем великолепен протест «людей типа Шевчука», поскольку это «бунт против бунта. А “минус” на “минус” даёт “плюс”».

Сомнительно: может всё же совершается иное арифметическое действие: минус да минус – это два минуса? Что за плюс в этом рок-протесте? Тут просто выплеск дурных эмоций, страстей. Молодёжи то свойственно: ей не важно, против чего протестовать – главное протестовать; в том одно из проявлений её стадности, склонности к конформизму. Но протест тогда только может иметь положительную направленность, когда вместо отвергаемого предлагается нечто доброе. Вот чего *року* как раз и нехватает. Он ничего не может дать взамен, кроме близкой к истерике **агрессии**.

Не худо бы вспомнить, что самый первый протест в мироздании исходил от сатаны, и направлен он был против Замысла Божьего о мире (недаром этот падший стал в западной литературе символом борца с тиранией). Вся «свободомыслящая» русская интеллигенция жила протестом против «царской деспотии», пока этот протест не определил её же собственную трагедию. Такое ли уж благо всякий протест?

И сам о.Андрей провидчески предсказывает: «В православном обществе рок-протест будет направлен против православия». Хороша *православность* этого *рока*. Она не более чем химера – и не совершаем ли мы ныне преступление перед будущим, заигрывая с этой

неуправляемой стихией бездумного протеста? Джина из бутылки выпустить стараемся, пытаемся поддержать собственного же неминуемого врага.

Пытаясь выискать разного рода достоинства в «русском роке», о. Андрей начинает рассуждать так:

«...Скажите, под какую музыку шли в бой полки Суворова? <...> Кинчев со своими жёсткими ритмами делает то, перед чем пасуют в растерянности наши приходские школы и монастырь со своими знаменными распевами: он воспитывает воинов для Святой Руси. Военская же музыка всегда была заводящей, агрессивной, жёстко-ритмичной».

Вот ещё одно заблуждение. Ритм ритму рознь. Это нужно чувствовать или хотя бы понимать. Воины Святой Руси не могли бы идти в бой под негритянские шаманские рок-ритмы: эти ритмы противоестественны, органически не совместимы с биологическими ритмами, поэтому вызывают в организме стресс и жестокую агрессию. Для воинов же Святой (именно Святой) Руси жестокая агрессия противопоказана. У военного марша ритмы, в отличие от *рока*, не жёсткие. Звуки военного марша гармонируют с одним из естественных ритмов организма, входят с ним в резонанс и настраивают человека на определённый лад, на бодрую устремлённость в бой. *Святой воин* не может

быть свирепым. Он, как ни странно, должен быть добр и сострадателен. Он защищает, а не превращает убийство в самоцель, что может легко спровоцировать рок-ритм, равно как и иные наркотические вещества, – и тогда появляется воин-агрессор, лютей и жестокосердный.

История знает такой тип воина (викинги, к примеру, отличались непобедимостью, потому что бросались на врага в состоянии наркотического опьянения), но для Руси он не был характерен.

Наша слабость в том, что мы не умеем совершать логическую операцию отождествления, мы сопоставляем по одному-двум признакам и спешим с выводом: марш ритмичен и рок ритмичен – стало быть, это одно и то же. Да воспитайте же, в конце-то концов, свой слух, чтобы различать несходное.

О. Андрей признался, что эстетический слух его неразвит: «Чем “созданное Творцом” пение павлина лучше рок-металла, мне понять не дано». Не лучше и не хуже – здесь качественное различие (хотя разве человек может создать что-то «лучше» Самого Бога?). Крик павлина, при всём его неблагозвучии, естествен и поэтому не дисгармонирует с натурой, чего не скажешь о рок-металле. Но это нужно просто *слышать*.

* * *

В полемике с противниками *рока* Кураев применяет и некорректные приёмы. Например, он пишет:

«Я готов придать этой критике значение только в одном случае – если тот церковный проповедник, что обратил острière своей нелицеприятной и принципиальной речи против компромиссов с миром современной светской культуры, столь же открыто, гласно и постоянно борется с мусором, который заносит в Церковь через другую дверь – через брешь народного магизма. Если человек обличает одни ереси и не замечает другие, то возникает вопрос о том, можно ли доверять его духовной чувствительности или честности».

Приём этот ныне часто употребляется. Недавно одна либеральная журналистка кричала в какой-то телепередаче на известного политика: нечего бороться с проституцией и извращенцами – сначала надо коррупцию искоренить! Подобную же логику можно обратить, подвергая сомнению духовность, против любого из Отцов, обличавших ту или иную ересь: об этой ереси говорит, а другие не замечает! О. Андрею также можно сказать: мы готовы придать значение вашим рассуждениям о *роке* только в том случае, если вы возвысите голос в защиту беспризорных детей. Или начнёте бороться за экологию Байкала.

Надо бороться и с проституцией, и с коррупцией, и со всеми ересями, и много ещё с чем. Просто человеку свойственно в каждый момент сосредоточивать внимание на чём-то одном, что вовсе не означает его слепоты к иным безобразиям. Магизм и православные суеверия также достойны отвержения (не знаю, правда, кто это, борясь с роком, заносит через другую дверь мусор магизма), но если перечислять все наши пороки, то они не одними суевериями ограничиваются, однако зачем разбрасываться? К тому же *рок* – тот же магизм отчасти. Одни поощряют суеверия, о которых пишет о. Андрей, тогда как сам он «через другую дверь» пытается намусорить *роком*.

Значит, надо отказаться от миссионерских усилий по отношению к тем, кто в рабстве у бесовского соблазна? Нет, конечно. Но не следует самим опускаться, погружаться в пучину такого соблазна. Надо не опускаться до бесовского уровня, но поднимать упавших до подлинных высот культуры. Трудно? Если бы всё было легко, то мы давно дружными рядами маршировали бы в Царство Небесное.

* * *

Отстаивая якобы духовность *рока*, о. Андрей Кураев делится собственным восприятием его содержа-

ния. По признанию о. Андрея, его внимание привлекла одна фраза из незнакомой ему рок-песни (как позднее выяснилось, автором был Кинчев): «Фраза звучала: “Я иду по своей земле к Небу, которым живу”. <...> Мне показалось что вот в этой фразе вся суть Русского Православия сконцентрирована».

Помилуйте: но разве не то же могли бы сказать и мусульмане, и католики, и некоторые оккультисты, и даже едва ли не все сектанты? В чём *православность* сего изречения?

Одиакон прекрасно знает, что на предельно обобщённом уровне некоторые слова и суждения обретают совершенно безликий характер, так что могут быть восприняты как истинные кем угодно. И все становятся как бы едиными в своих убеждениях. (Синкретизм, экуменизм на том и спекулируют.) Но стоит вникнуть в содержание, в смысл произносимых слов, как мнимое единство исчезает подобно миражу. Так то мираж и есть. Православность *рока*, так прельстившая о. Кураева, призрачна. Это не более чем морок. Недаром же у Б.Гребенщикова, ставшего, как мы знаем, убеждённым буддистом, есть параллельная по смыслу песня «Небо становится ближе». И недаром на пресловутом фестивале «Рок к Небу» выступал всё тот же Б.Г.

А рок-публике: что Православие, что буддизм – не всё ли равно!

* * *

В отличие от лишь теоретизирующего о. Андрея Кураева практикующим сторонником *рока* всегда был игумен Сергей (Рыбко), бывший хиппарь, да и ныне, кажется, недалеко от того ушедший. Должно признаться, что поведение и высказывания о. Сергия могут совершенно поколебать прежние представления о монашестве. Так, если кто-то наивно полагает, будто монашеский постриг есть отречение от мирских привязанностей, отказ от дурных привычек, какие могли бытовать в домонашеском существовании, то вид игумена, отбивающего на ударных инструментах рок-ритмы, может ввести любого в крайнее недоумение. Всё-таки монаху не место даже и в симфоническом оркестре.

О. Сергия любит показывать нынешнее телевидение, а журнал «Огонёк» посвятил ему недавно большую хвалебную статью (а хвалы либеральной прессы – серьёзный повод задуматься: всё ли с тобой в порядке) с парадоксальным названием «Поп-рок». Из этой статьи помимо многих занимательных (и часто сомнительных) подробностей, можно узнать об осо-

бой любви о. игумена к тяжёлому року и о трогательной привязанности к американским боевикам. О. Сергей признаётся, что смотрит боевики, «чтобы голову проветрить перед сном».

Некоторые, опять-таки наивно, верят, что монахи не ограничиваются по вечерам тем коротким пятнадцатиминутным молитвенным правилом на сон грядущим, какое по немощи прочитывает мирянин, а «проветривают голову» более протяжённым обращением ко Всевышнему. А выходит – созерцанием бесконечных преступлений, убийств, реками крови, насилиями, эротикой и иными прелестями.

Совместимо ли вообще монашество, священство с увлечением рок-музыкой?

Вот мнение старца, духовный авторитет которого не подвержен сомнению, – отца Иоанна (Крестьянкина). Отвечая одному из своих духовных чад на просьбу о благословении на священство, о. Иоанн высказался крайне категорично:

«Скажу Вам сразу – помысл о рукоположении изгоните от себя раз и навсегда. Даже если Вас и будут соблазнять такими предложениями. **Опыт показывает, что пришедшие к Престолу от рок-музыки служить во спасение не могут** (выделено мною. – М.Д.). <...> Некоторые вообще не могут

стоять у Престола, а некоторые опускаются на дно ада беззакониями такими, которые они и до принятия сана не делали» (Письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина). 2003 г.).

Другому адресату, уже принявшему сан и пребывающему в страданиях тяжких соблазнов, духовный старец писал:

«Одержимость бесовскую Вы получили, когда ещё рок-музыкой увлекались. А что делать теперь? Если нисколько не находите сил противостоять насилью вражью, то хоть временно отойдите от служения у престола. Займитесь строительством, помогайте в церкви, но только отойдите от престола, иначе враг Вас погубит и в этой жизни, и для вечности. Пожалейте себя» (Письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина). 2000 г.).

Эти слова прямо не относятся к о. Сергию (Рыбко), но косвенно дают духовную характеристику и его деятельности. Конечно, в окружении о.игумена найдётся немало кликушествующих и истеричных поклонников (особенно поклонниц), готовых с пеною у рта защищать своего батюшку от всех укоров, но хотя бы задуматься над словами о. Иоанна полезно и им.

На нередкие же утверждения, что о.Сергий привёл в Церковь к Богу (и даже в священство) многих и

многих прежних хиппи, рокеров и панков, нужно задуматься: к какому «богу» он их приводит? И не станут ли они, хотя бы часть из них, теми, кто будет готов разрушать Церковь изнутри?

В защиту своего увлечения о.Сергий издал брошюру «Современная культура: сатанизм или богоискательство?» (М., 2002) – с явным намёком в самом названии: конечно же богоискательство! Попробуем осмыслить хотя бы некоторые из мнений автора.

С самого начала автор пытается ошельмовать своих противников, совершая занимательный логический выверт:

«К великому сожалению, большинство современных православных изданий <...> напрочь отметають культуру современную, во всех её видах и проявлениях, считая её порождением разлагающего секулярного общества. Их авторы, искренне приняв Православие, но не успев ещё стать церковными людьми, оставаясь неопитами, намереваются заполнить образовавшийся “идеологический вакуум”. Не совсем понимая, что говорят, берутся за темы, в общем-то им не знакомые. Между тем, христианин настолько имеет право публично высказывать свои взгляды, насколько он освободился от предрассудков. В аскетической литературе предрассудки называются “мнениями”. Святые Отцы

Православия говорят, что, пока человек имеет “мнения”, истиной он обладать не может».

Здесь подразумевается, что «современная культура» – это исключительно рок-культура, поскольку именно против неё направлена критика православных авторов (которым о. игумен пытается заткнуть рот). Обвиняя оппонентов во лжи, о. Сергей сам начинает именно с искажения истины. Логика же адепта *рока* бесподобна: кто против «современной культуры», тот имеет «мнение», и таковой просто лишён права высказывать свои взгляды, ибо истиной обладать не может. И всё с грозной ссылкой на Отцов.

А может, ту же логику применить к самому о. Сергию? (Не он ли навязывает всем собственное *мнение*?) Ведь если этого не сделать, то придётся признать, что «к далёким от истины невоцерковлённым неофитам» нужно причислить и о. Иоанна (Крестьянкина).

Вероятно, почувствовав, что зарпортовался, обладатель истины сделал оговорку: среди критиков *рока* есть и «маститые протоиереи и архимандриты, как правило, старшего поколения. Вряд ли кто-нибудь из них основательно знаком с предметом критики». То есть: и этим бы помолчать, ибо сами не знают, о чём толкуют.

Как будто невдомёк почтенному игумену, что духовный старец выносит суждение на уровне более высоком, чем узко-профессиональный, что ему открыта та полнота истины, которая недоступна проветренному американскими боевиками сознанию. Чтобы понимать пагубность наркотика, не обязательно знать его химическую формулу. Не догадываясь об этом, о.Сергий объявляет всякое покушение на рок – ложью.

И вот нам предлагается на выбор два суждения. Православный старец утверждает, что в рок-музыке – босовский соблазн. Вдохновлённый боевиками игумен отвергает это как ложь.

Как известно, дьяволу нужно, чтобы все думали, будто его нет. Не этой ли идее бессознательно служит о.игумен?

О.Сергию необходимо поразить неприемлемые для него взгляды в их истоках. Впервые же пагубность *рока* поняли западные исследователи (у нас такие выпады воспринимались среди интеллигентов как мерзость тоталитарной идеологии), и против них отыскался убийственный аргумент:

«Появившиеся в последнее время брошюры повторяют, в основном, одни и те же обвинения, выдвинутые западными исследователями, которые, не надо

об этом забывать, являются еретиками. А у еретиков извращённый взгляд на всё».

Здесь явный намёк на католика Режимбаля, который положил начало серьёзной критике рок-музыки. Его и надо опорочить в первую голову. Довод прост: еретик, извращенец.

Однако всякий, кто знаком с христианством, знает, что у еретиков нет «извращённого взгляда на всё», но лишь на некоторые вероучительные основы. Кроме того, даже атеист может высказывать весьма здравые мысли.

Из рассуждений о.Сергия, впрочем, не вполне ясно, хорошо или плохо быть католиком. Обругав «западных исследователей», защитник «современной культуры» через несколько страниц дал одобри-тельную характеристику рок-идолу Оззи Осборну, отметив как особо положительное качество: «исто-вый католик». То, что дурно для отвергающего *рок*, весьма похвально для рок-исполнителя? Двойной стандарт налицо.

Но все эти несоответствия автора не смущают, он твердит и твердит без устали: критиковать рок-музыку – значит клеветать на неё. А это отталкивает от Церкви. Все рассуждения о.игумена заключены в такой замкнутый порочный круг.

О.Сергий строит ещё один убийственный силлогизм с опорой на Писание: поскольку критика *рока* есть ложь, а ложь есть соблазн, то отвергающий *рок* – соблазняет *малых сих*, и такому человеку лучше бы не жить (*Мф. 18, 6*).

И опять всё вывернуто наизнанку: кто же соблазняет? Тот, кто указывает на грех, или тот, кто пытается выдать чёрное за белое?

По этой логике, чтобы не отталкивать от Православия, надо вообще отказаться от обличения греха (обличать можно только извращенцев – противников рок-музыки). Зачем, например, отвергать наркоманию? Или зачем грозить и предупреждать, что «ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют». Скольких это оттолкнёт от Православия! Правда, тут слова апостола Павла (*1 Кор. 6, 9–10*). Стало быть, он тоже соблазняет.

Образец грозного обличения дал нам Сам Христос Спаситель. Но по той же логике о.Сергия, Он поступал крайне нерасчётливо: кого-то и отталкивая от Себя строгостью Своих требований (мы знаем о том из Евангелия). И это в те времена, когда христианство только возникало, когда, казалось бы, нужно было

гладить всех по шёрстке, чтобы привлечь побольше последователей.

Вот приходит к Нему благочестивый юноша, вопрошая о жизни вечной (*Мф. 19, 16–22*). Сказать бы ему: поделись немножко с нищими – и всё будет хорошо. Нет, сказано было: раздай всё! И не пошёл юноша за Христом. Неужто не знал *Учитель Благий*, что оттолкнёт Своими словами того юношу? Не просто *знал*, но *пред-знал*. Однако Истина выше всех практических соображений.

О.Сергий сокрушается: не могут многие молодые люди отвергнуть рок, который им ещё дорог, а потому им закрыт доступ в духовные школы: «Таким образом, Церковь теряет неплохих пастырей». В подтексте здесь – самозащита и самооправдание о.Сергия; но важнее иное: в нежелании несостоявшихся пастырей расстаться ради Христа с милым их сердцу *роком* просвечивается та самая евангельская ситуация – в облегчённом варианте: не всё имение, но лишь приверженность к соблазну должна быть оставлена. И того не хотят, и отходят в сокрушении. Мы же скажем: и замечательно, что отходят, ибо составили бы они *пятую колонну* в нашей церковной жизни.

Игумен Сергей приводит в оправдание своей увлечённости рок-культурой давно затасканный ар-

гумент: время идёт, формы бытия меняются и обновляются, нужно изменять, приспособляясь ко времени, и особенности церковной жизни. Опираясь на этот тезис, он возгласил на одном из рок-концертов о создании *православного металла*, исполнивши затем в *металлической* интерпретации пасхальный тропарь «Христос воскрес из мертвых...». Не станем ли мы когда-нибудь свидетелями того, как на литургии у о. игумена прозвучит в храме и *металлическая Херувимская*?

Всё это – типичное и заурядное обновленчество. Но история многожды доказала уже: все подобные требования «приблизить Церковь к жизни» ведёт лишь к деградации духовного начала. Самый недавний пример – католичество после Второго Ватиканского собора, обновленческого по сути своей. Стало уже общим местом утверждение о крахе этого католического обновленчества. Приведём из множества хотя бы одно суждение. В недавно вышедшей книге о трагедии современного Запада «Только в России есть весна!» (М., 2006) автор, Татьяна Горичева, знающая Запад не понаслышке, пишет:

«Время после II Ватиканского собора (1962–1965), на решения которого так любят ссылаться наши либералы и экуменисты, – это отнюдь не время

расцвета и побед, но время лавинообразного вторжения в церковную жизнь мирского секулярного духа, разрушения целостности учения и утери католичеством своего прежнего мирового влияния. <...> Да собор ставил перед собой самые благие цели, и этому событию в западном мире придавалось очень большое значение. По замыслу его устроителей, он должен был иметь особое эпохальное значение, сыграть роль переломного момента в истории христианства, свидетельствовать об открытости, любви, способности ответить на потребности современности и нужды общества. Но случилось обратное, произошло непоправимое – глубочайший надлом в церковном организме, после которого события стали развиваться практически бесконтрольно».

Такая точка зрения – не частное представление, но распространённая ныне убеждённость. Горичева свидетельствует о том: «Это не только моё личное мнение. О том же мне довелось услышать в личной беседе из уст кардинала Ратцингера, в ту пору *правой руки* Папы по вопросам вероучения, готовившего основные документы к собору». (Напомним, что упомянутый кардинал ныне стал новым Папой.)

Вот на какие грабли нам вновь предлагается наступить. Сколько же можно!

О.Сергий, как о.Андрей, утверждает: *рок* уже тем замечателен, что через него молодые люди приходят к Богу. А мы должны ещё и ещё раз озадачить себя вопросом: что это значит – прийти к Богу через *рок*?

Вообще, *пути Господни неисповедимы*. Известны случаи, когда люди обращались ко Христу после тяжких искушений наркомании. Кто-то стал православным, испробовав прелести сектантских соблазнов. Если прибегнуть к литературному примеру (а он есть образ ситуаций житейских), то можно вспомнить Родиона Раскольников, пришедшего к вере после убийства старухи-процентщицы. По логике защитников рока (а она не должна быть избирательной, но относиться ко всем сходным обстоятельствам) необходимо поощрять и наркоманию, и сектантство, и убийства, поскольку и они стали для кого-то путём к Богу. Самый разительный пример – Савл, превратившийся из гонителя христиан в ревностного апостола Христова. Так не призвать ли ныне всех к делам гонения на Церковь – сколько сразу апостолов может появиться!

Может быть, люди приходят ко Христу не *благодаря*, а *вопреки* соблазнам и грехопадениям?

Зачем заблуждения возводить в правило? Тот же о.Андрей, логически противореча самому себе, показал, *что* из этого может выйти. Он утверждает:

«Например. Книга Владимира Вейника “Почему я верю в Бога” чрезвычайно эффективна с точки зрения прихода людей к вере, но совершенно несерьёзна с точки зрения богословия и даже той самой науки, которую Вейник представляет. Я считаю просто позором для Церкви, что эта оккультная книга продаётся во многих храмах и монастырях. Но, несомненно, она очень эффективна и приводит в Церковь сотни людей с компьютерным складом ума. Правда, проходя через эту книгу в Церковь, они потом плохо отличают мир православия от мира оккультизма».

Замечательные слова! Может, стоит продолжить: приходя через рок-культуру в Церковь, рокоманы не сумеют отличить бесовское от благодатного. И не позор ли для Церкви, что сегодня немало людей в рясе пропагандируют это рок-безумие?

О.Сергий в своих рассуждениях прибегает к подтасовкам, искажая реальность. Так, он утверждает, что у Церкви «гораздо больше точек соприкосновения с неформальной культурой, чем различий, потому что назначение того и другого – поиск Истины». Не станем придирааться к безграмотности фразы, но заметим, что ни у Церкви, ни у неформальной культуры как раз и нет названного назначения. Церковь Истину не ищет: Она ей дана изначально – полнота личности Хрис-

та Спасителя. Вопрос: «Что есть Истина?» – вопрос Понтийского Пилата. Неформальная же культура осуществляет себя в рамках плюрализма – и тем самым любую единую истину (тем более Истину) отвергает.

О.Сергий (Рыбко) в своей полемике часто прибегает к методу, который используют те, у кого недостаёт аргументов в защиту своей позиции. Он, метод этот, примитивен, но эффектен и эффективен: вначале придумать некую нелепость, приписать её оппонентам, а затем опровергать, доказывая абсурдность их суждений. На незрелые умы действует. Вот показательный пример: по утверждению о.Сергия, рок-музыкантов «почему-то заставляют выбирать между Христом и творчеством», тогда как «творчество – Божий дар».

Разберёмся. Не будем спорить: творчество – это истинно дар Божий. Но в повреждённом грехопадением мире человек нередко использует во зло и дары Божии (об этом пишет, например, преподобный Иоанн Лествичник). И поэтому выбирать должно не между Христом и творчеством, а между творчеством, ведущим ко Христу, и творчеством, увлекающим в бесовскую стихию. Если это и трагедия для рок-музыкантов, то исходит она из повреждённости их природы, а не от злой воли тех, кто пытается раскрыть

глаза на подлинную природу рок-культуры, как то мнится адепту этой культуры.

В конце концов и сам о. Сергей признал, что не всякие музыкальные произведения, в которых говорится о Боге, к Богу ведут. Вред он узрел в «христианских песнях»: «Понятно, что Бог везде, но такие песни, по сути, уводят от Бога. Получается Боженька какой-то, сусальность некая». Это замечательно: первый шаг к истине сделан. Можно согласиться: слащавые, сусальные, нарочито «благочестивые» стихи, песни от подлинно духовного настроения отвращают. Дурная форма обесценивает содержание. Распространить бы это суждение на рок-песни. Нет, как на пример близости к Богу указывается Мерлин Мэнсон. Почему? А потому что – *протестует*. Но этого рок-идола достаточно просто увидеть, даже не слушая его, чтобы понять то, чего никак не может разглядеть о. Сергей (Рыбко): сделано всё, чтобы изгнать даже из внешнего облика всякое напоминание об образе Божиим; нарисованная вместо лица маска имеет откровенно сатанинский «имидж».

Однако на любое подобное утверждение у о. Сергия заготовлен ловкий приём: всякое обвинение в сатанизме он объясняет «психологией брежневских времён».

В одном из более ранних своих выступлений в защиту *рока* о.Сергий безапелляционно утверждал, что в эти самые времена у любого человека было лишь два пути: «первый – покрывив совестью, подниматься по комсомольской, партийной или производственной лестнице; второй – пить, но при этом оставаться честным в своей совести». Такая вот безвыходная ситуация. Рыбко с единомышленниками, впрочем, выход отыскивали: не осквернили себя ложью и пьянством, а «начали протестовать», выражая протест в рок-музыке, экстравагантной одежде и ношении длинных волос. Протест стал, как видим, высшей формой бытия: когда остальные лишь лгали и пили, единственно рокоманы оставались праведниками. Тяжкое обвинение всем, кто *роком* не увлекался и не ходил в нарочито драных хламидах. А не сказать ли: именно о.Сергий (Рыбко) оболгал не больше не меньше, а весь народ.

О.игумену вторит о.диакон, выводящий критику рок-культуры из «советской пропаганды жизни». И тем безапелляционно отвергается возможность какой бы то ни было критики чего угодно (хотя о таком расширительном смысле своих умозаключений, скорее всего, и сами отцы не подозревают): о чём ни заикнись, всё можно свести к проискам партийной идеологии, в которой о.Андрей специалист первой руки. И всё же

странно звучит утверждение диакона Андрея Кураева о том, что рок-музыка и Церковь были родственны друг другу, ибо пребывали «по одну сторону колючей проволоки». Можно подобрать ещё более занимательную компанию: по ту же сторону колючей проволоки на одних нарах лежали православные священники и блатари-уголовники. Тоже родственные души?

* * *

Но может быть, не так всё и страшно? Перебесятся – и придут в норму.

Так ли?

Рок, помимо всего прочего, атрофирует подлинное эстетическое чувство. Это доказывает опыт о.Сергия (Рыбко), который наивно рассуждает:

«Чем хуже духовное лицо, слушающее композиции группы “Pink Floyd”, такого же священника, но слушающего Бетховена или Вагнера? Почему же первое недопустимо, а второе похвально? Или чем “Картинки с выставки” Мусоргского в электронном исполнении группы “Emerson, Lake and Palmer” хуже, чем в исполнении симфонического оркестра?»

Ещё одна явная попытка самооправдания. Но дело в ином. Чем металлические, жестяные, лишённые теплоты механизированные звуки хуже живого звуча-

ния традиционных инструментов – логически объяснить трудно. Это нужно слышать. И иметь для того развитое ухо, а не продутое американским ветром. Тому, кто *не слышит*, – не растолковать.

Высокое искусство, со всеми его тонкостями, просто не воспринимается теми, кто ценит жёсткие удары по нервам. Они не воспринимают ничего, кроме грубых поверхностных эмоций. «Ноктюрн» Шопена *драйва* не вызовет. Реакция рокоманов на классическую музыку, на народную песню шаблонна: «отстой», как презрительно высказываются они на своём людоедском языке. У них произошла задержка в развитии, эстетическая деградация, отчего истинная культура оказывается им недоступной (и они подобно лисице из басни пытаются обругать это недоступное). Примитивизм же «современной культуры» всё более усугубляет такую неразвитость, лишает человека возможности эстетического и этического возрастания. Поэтому-то большинство уже будут не в состоянии совершить то, что предполагает о. Андрей Кураев, уверенный в неизбежности отхода от рок-культуры нынешних её приверженцев.

Пройдёт время – и высокая культура окажется обречённой на окончательное вырождение (побуждения к тому уже есть), если продолжится эта пропагандистская вакханалия в защиту *рока*. Те, кто преуспевает

в том – совершают несомненное преступление перед русской культурой, какими бы благими намерениями они ни направлялись.

Одна беда: некоторые пропагандисты рока сами не преуспели в эстетическом развитии. О.Сергий (Рыбко) ничтоже сумняся дерзнул утверждать:

«Считаю, что композиции ... (далее идут многие имена и названия. – М.Д.), электронная музыка Майкла Олфилда не менее интеллектуальны и содержательны, чем музыка Баха, Моцарта и Бетховена».

Над подобным суждением не устают смеяться подлинники профессионалы, однако это скорее грустно: так думают весьма многие. И вполне искренно. Воспитанным на электронных композициях в Моцарте и Бетховене открывается только та малость, какая может быть доступна их недоразвитому эстетическому чувству, а им представляется, будто эта малость и есть вся суть классической музыки.

Порою демонстрирует некую растерянность и о. Андрей Кураев:

«Я не могу сказать, какое различие, например, между Гоголем и Диккенсом, Буниным и Гюго, Шмелёвым и Экзюпери. Конечно, у каждого из них есть свой авторский стиль и особенности, но я не могу сказать, что вот это – католическое видение, а вот это – православное».

Странно: и это о.Андрей, сумевший определить православность *рока* по одной только строчке из песни Кинчева. Православность *рока*, оказывается, можно увидеть, а духовное своеобразие творчества Шмелёва, православнейшего из русских писателей, – нельзя. (К слову, Бунин здесь упомянут всуе: у него-то православного мало.) Но если православное мировидение русских писателей определить невозможно, то о чём мы здесь рассуждаем? В таком случае мы не имеем права говорить о православности вообще.

Вероятно, именно такое вдруг обнаружившееся нечувствие к Православию позволило о.Андрею Куряеву высказать против него одно из самых страшных обвинений:

«Я честно скажу: православная этика в значительной степени готтентотская этика. Племя готтентотов живёт в Африке по “понятиям”, вполне примитивнейшим. И в XIX веке какой-то миссионер, видя их безобразия, спросил у вождя этого племени: “Скажите, у вас хоть что-нибудь святое есть? Что для вас добро и что – зло?” И тот отвечает: “Конечно же, мы знаем, что такое добро и зло. Если сосед украл у меня корову – это зло. А если мне удалось свести его корову с его двора – это добро”. Вот наша церковная позиция совершенно такая же. Если нам удалось перевести ка-

толиков в православие – этот добро, а если они от нас отбили – это плохо. Я это без всякого осуждения говорю. Я с этим совершенно согласен».

Не без юмора, конечно, но юмор диковатый.

Согласно о. Андрею, Православие живёт по двойным стандартам, пользуется дикарской моралью – а именно это отталкивает нас в современной западной демократии.

Выходит: мы ничем не лучше. Утверждение Кураева лишает нашу Церковь какого бы то ни было нравственного авторитета, отнимает у неё моральное право свидетельствовать об Истине.

О. Андрея подвёл всё тот же промах в отождествлении. Он приписал Православию двойную мораль по чисто внешнему признаку, мы же попробуем заглянуть поглубже.

Моральные оценки (что есть добро и что – зло) предполагают опору на чёткие критерии. У дикаря таким критерием является материальная выгода – ничто иное.

Православие определяет всё принадлежностью к Истине: хорошо то, что пребывает во Христе, плохо – вне Христа.

«Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12, 30).

Для дикаря отнять корову у соседа хорошо, потому что это делает его богаче. Православному человеку обращение инославных даёт духовную радость: ещё кто-то пришёл к полноте Христовой. Только нечистые сердцем могут, судя обо всём по себе, заподозрить здесь какую-то материальную корысть. Ибо во Христе *собираются сокровища на небе*, но не на земле (*Мф. 6, 19–20*).

Вообще как-то неловко повторять подобные истины – а приходится. Вероятно, о.Андрей и сам всё это понимает; только зачем дразнить простодушных? Простодушные же, стоит им увидеть рясу, принимают изрекаемое тем, кто в эту рясу облачён, за голос Церкви. И именно это, но вовсе не критика рок-культуры, ведёт к соблазну *малых сих*.

**В НАШЕМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ГОТОВЯТСЯ
К ВЫПУСКУ КНИГИ:**

Н. Пыжов, Г. Седых.
Проповедь Православия среди рок-молодёжи.

Дэн и Стив Питерс.
Рок-н-ролл: в чём прокол?

В. Медушевский.
Православие и рок-музыка.

В Издательском Доме «Святая Гора» вышла книга иеромонаха Исаака «Житие Старца Паисия Святогорца».

Это наиболее полное и авторитетное жизнеописание Старца Паисия, составленное его ближайшими учениками.

Объём книги — 734 страницы. Книга содержит 30 ранее не публиковавшихся фотографий.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Книги нашего издательства вы можете получить
по почте; оплата наложенным платежом.

Ваши заказы присылайте по адресу:

107082, Москва, а/я 93.

Email: info@agionogos.ru

Тел.: (495) 540-11-40;

факс: (495) 246-69-39.

ДУНАЕВ
Михаил Михайлович

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД БУДУЩИМ

издание 2-е, исправленное и дополненное

Издательский Дом «Святая Гора»
107082, Москва, а/я 93

Лицензия ИД № 05182 от 25.06.2001

Подписано в печать 19.12.2006. Формат 60х90/16
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Petersburg». Усл. печ. л. 4,0
Тираж 3 000 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии Патриаршего
издательско-полиграфического центра, г. Сергиев Посад